

Н. В. Дутов

История училища имени Н. П. Пастухова (Часть II)

В статье рассматриваются формы и методы обучения в системе воспитания и виды наказания учащихся, а также особенности проведения выпускных экзаменов, распределения на работу (трудоустройства) и дальнейшей деятельности выпускников училища. Дается характеристика медицинского обслуживания учащихся и обеспечения учебно-методической и научной литературой, включая журналы.

Ключевые слова: обучение, воспитание, наказания, дисциплина, экзамены, распределение на работу, преподаватели, учащиеся, воспитатели (надзиратели), библиотека, медицинское обслуживание.

N. V. Dutov

School Named after N. P. Pastukhov in 1900–1917 (the Part II)

In the article the forms and training methods in an educational system and kinds of punishment of pupils are regarded, and also peculiarities of carrying out the final examinations, distributions to work (employment) and the further activity of school-leavers. The characteristic of health services of pupils and maintenance with educational-methodical and scientific literature, including magazines is given.

Key words: training, education, punishment, discipline, examinations, distribution to work, teachers, pupils, tutors (supervisors), library, health services.

Поведение учащихся контролировалось и вне стен учебного заведения. Преподавателями и надзирателями (воспитателями) были выявлены места в городе, где наиболее часто совершали неблагоприятные проступки («засвечивались») ученики школы и училища. Эти места – Казанский (современный Первомайский) бульвар, Волжская набережная и в ярмарочные дни (с 5 по 25 марта) Ильинская (ныне – Советская) площадь – озвучивались на заседаниях Совета училища. Поэтому именно здесь и проходила основная работа надзирателей и преподавателей по предупреждению и выявлению различных нарушений порядка учащимися [1]. За участие в беспорядках и неповиновении полиции, причем независимо от взыскания – по суду или административному, педсоветом традиционно принималось решение об отчислении. Это, как правило, были достаточно «известные» ученики, уже получавшие училищные взыскания. Так, например, за подобное нарушение, о котором сообщила полиция, на заседании Совета от 28.03.02 г. были исключены два ученика училища.

Руководство Московского учебного округа, куда входили все учебные заведения Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской и других центральных губерний, постоянно обращало внимание на бдительный контроль за поведением учащихся не только в стенах учебных

заведений, но и на улицах городов, на съемных квартирах, где жили ученики. Этот надзор осуществляли не только воспитатели (надзиратели), но и все преподаватели учебного заведения [2].

Среди учащихся, пользовавшихся железнодорожным транспортом для приезда в училище, одно время был распространен такой вид нарушения, как бросание камней из открытой двери вагона по железнодорожным рабочим. Два ученика были задержаны поездной прислужкой во время этого «действия» и их поведение обсуждалось на заседании Педагогического Совета, где им была снижена оценка по поведению до четырех баллов [3].

Во многих учебных заведениях дореволюционной России существовало такое правило: за «не очень значительные нарушения» провинившийся ученик вызывался в школу в выходной или праздничный день и запирался в классе на 4 часа (с 12:00 до 16:00). В случае более серьезного нарушения правил поведения в училище – на 8 часов: с 12:00 до 20:00. Таким образом, учащийся оказывался под надзором сторожа, который и контролировал «качество» отсидки, докладывая об этом начальству. Делалось это, по-видимому, с одной целью: за какую-либо провинность лишить ученика законного отдыха и возможных удовольствий воскресного дня. Эта мера особенно часто применялась к тем, кто, по терминологии

гии того времени, был еще «не испорченным» и имел все шансы на исправление своего поведения [4].

Протоколы заседаний Педагогического Совета свидетельствуют о высоком профессионализме преподавателей и сотрудников училища. Для них не было целью жестоко наказать провинившихся, унижить их какими-либо расследованиями, цель заключалась в том, чтобы направить все силы на пресечение и недопущение повторения провинностей. Об этом, в частности, может свидетельствовать рассмотрение на одном из Педагогических Советов 11.02.1904 г. случаев пропажи ученических калош – обуви для того времени очень дорогой и считавшейся престижной.

Прежде всего, обращалось внимание всех учащихся «на гнусность этих поступков». Но главная задача была в том, чтобы подобное «не случилось в будущем». Было выявлено, что в немалой степени этому способствовало небольшое помещение раздевалки, отсутствие необходимого количества крючков на вешалках и т. д. Поэтому было решено немедленно «увеличить помещение шинельной и число вешалок, представить для каждого ученика определенное место на вешалке. У крючков наклеить билетки с фамилиями учеников». Впредь решили запирать шинельную на ключ во время занятий. Дежурному воспитателю (надзирателю) поручалось непосредственно наблюдать за одеванием и раздеванием и т. д. Все попытки обнаружить подобные «гнусности» в дальнейшем успехом не увенчались. А это значит, что меры, предпринятые Советом, оказались очень действенными.

Все вышеперечисленное свидетельствует не столько о большом количестве нарушений учащихся, сколько о том внимании, с которым Педагогический Совет относился к каждому ученику. Таким образом, не случайно почти трафаретным является заключение Совета по поведению учащихся: «Внимательно разобравшись в проступках каждого из учеников (*следует список фамилий*) Совет нашел поведение, в общем, весьма хорошее – поведение по всем классам – 5 (пять), кроме (*далее следует несколько фамилий учеников*) за неумение держать себя в классе и мастерских и (или) частые пропуски без уважительных причин занятий – 4 (четыре)». Важным элементом воспитания являлось также и то, что при оценке поведения учащихся обязательно всегда происходило сопоставление их поведения с поведением за предыдущий период обучения [5].

В августе 1908 г. члены педагогического совета с большим удовлетворением обсуждали рекомендации попечителя московского учебного округа о постановке учебного дела. Они планировали предоставление большей самостоятельности преподавателям по формированию основных положений читаемых курсов. В частности, предлагалось строго продумывать читаемый курс в смысле адаптации к уровню способностей и общей подготовки учащихся. Совет училища должен был утвердить на своем заседании обязательный минимум. При этом подчеркивалось, что «лучше не гнаться за подробностями, мелочами, но дать то, что действительно и прочно будет усвоено, так как ничто так не деморализует учащихся, как предъявление больших требований, которые потом, за невозможностью их выполнить, сводятся к одним пожеланиям» [6].

С большой заинтересованностью в судьбе учеников, пытаясь войти в их положение, преподаватели обсуждали успеваемость. Прежде всего, тщательно изучались документы только что зачисленных в училище. При этом слабые знания объяснялись отсутствием иногда конкурса и слабой подготовкой поступающих в училище. Поступали в училище после окончания церковно-приходских школ, высших и низших начальных училищ, а вот выпускники городских училищ, где давали более основательное образование, шли в училище Пастухова сравнительно нечасто [7]. Как правило, принимались решения о дополнительных занятиях с отстающими учениками в свободное время [8]. Стремление помочь ученикам прослеживается и в решениях педагогического совета при обсуждении их успеваемости: «ученик ... имеет плохие способности, но старается...» [9]. При индивидуальном подходе к ученикам, к успехам каждого ученика иногда даже принимались решения «учеников менее сообразительных обучать вместо трех лет в течение четырех лет» [10]. На второй год оставляли по достаточному убедительным причинам. Это неуспеваемость по 2–3 или более предметам или невыполнение практических работ. Так, в июле 1903 г. совет решил оставить для повторного обучения семь учащихся [11]. Но, не смотря на это, большая часть учащихся, оставшихся на повторный курс обучения, по разным причинам оставляли училище. Чаще всего это было связано с решением самих родителей, по необходимости трудоустройства своих детей, из-за сложного материального положения семьи или трудностей, связанных с удаленностью от места учебы [12].

В училище и школе обучались и иногородние учащиеся. Их количество колебалось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всех обучающихся и всем им требовалось снимать квартиры. В дореволюционном Ярославле сложились свои традиции «рынка» ученических квартир, который предполагал «закрепление» необходимого количества квартир за каждым из учебных заведений, когда квартиры сдавались в наем в течение весьма продолжительного времени. Например, почти весь XIX и начало XX века в качестве одной из ученических «квартир» служили несколько комнат в доме купца Соболева (современный Торговый переулок), сдававшихся студентам Высших наук училища, а затем – Демидовского лицея [13]. И у Пастуховского училища, и у школы были «свои» ученические квартиры, сдававшиеся в наем. Обычно их число колебалось от 15 до 20, где в комнате жили по 2–3 ученика. Все эти сдаваемые в наем жилища находились под неусыпным контролем должностных лиц, начиная от директора, надзирателя (воспитателя), врача и т. д. Условия жизни, распорядок дня заранее оговаривался с владельцем жилья. Плата в месяц составляла в 1901 году 11 рублей 75 копеек в центре города. Проверяющие обычно отмечали, что «нет скандалов» ни между училищной администрацией и владельцами жилья, ни между учащимися и владельцами [14].

Во время обучения в школе или училище в материальном положении учащихся нередко происходили изменения, что могло быть вызвано тяжелой болезнью родителей или смертью одного из них. Педагогический совет тщательно «отслеживал» семейное положение и изменение в материальном состоянии семей учащихся. В случаях, когда возникала необходимость, учащимся из средств, получаемых от реализации изделий, изготовленных самими учениками, а также из других источников, например, процентов с капитала, оставленного на содержание училища Н. П. Пастуховым, ежемесячно выделялось пособие в размере от 3–5 до 7–10 рублей [15]. Особенно это касалось учащихся выпускных классов, а также одаренных учеников. Решения по этим вопросам выносились строго индивидуально [16].

Ежегодно, весной и осенью, большие проблемы возникали с ледоходом и ледоставом на Волге, особенно до пуска в эксплуатацию моста в 1913 г., где были предусмотрены, кроме железнодорожных путей, и «пешеходные тротуары» [17]. На заседаниях педагогического совета было решено выделять одну комнату на срок от одной до нескольких недель учащимся, живущим за Вол-

гой или в отдаленных районах города [18]. В ней устанавливались кровати, предоставлялись постельные принадлежности, выдавался горячий чай, а остальное приобретали или приносили с собой.

Экзамены и распределение

В мае в училище и школе проходили выпускные экзамены. Расписание вывешивалось обычно за 1,5–2 месяца, поэтому учащиеся могли заранее спланировать свои усилия по подготовке. Как правило, первым сдавали закон божий. Причем успеваемость всегда была стопроцентной, более того, само «качество знаний» было довольно высоким – преобладали оценки «4» и «5». (Невольно возникает сравнение с экзаменами по истории КПСС в советских вузах, где традиционно были именно такие показатели). Сравнительно неплохими были оценки по арифметике и алгебре, геометрии – около 90 % успеваемости. Но экзамены по физике, химии, механике вызывали у членов совета много вопросов, так как стабильно уровень знаний по ним был достаточно низким, успеваемость составляла 70–80 %. С помощью дополнительных занятий эти ученики «подтягивались» до нужного уровня. Наиболее важным, если не главным, был экзамен по специальности. Подготовка к нему начиналась еще в сентябре, когда третий класс только приступал к занятиям в свой последний год обучения. Каждый из будущих выпускников получал практическое задание на изготовление какого-либо изделия в качестве выпускной работы по специальности. Иногда это были станки, например, сверлильный, быстроходный или круглые пилы по дереву с приводом и т. д. Учащиеся конструировали свой станок на основе собственных чертежей, а затем изготавливали детали и, наконец, собирали действующий станок. Обычно это поручалось 3–5 учащимся. И экзамен, таким образом, сводился к показу своего станка в действии и ответы на вопросы комиссии. Ее членами были преподаватели дисциплин во главе с директором, а также «гости» – специалисты ярославских фабрик и заводов, представители руководящих структур Министерства народного просвещения, губернии и т. д. Так, на экзамене по физике первого выпуска училища, который состоялся 22 мая 1903 г., присутствовал сам министр народного просвещения Т. Э. Зенгер. После экзамена министр осмотрел училище, мастерские и «выразил полное удовлетворение» увиденным и услышанным. В том же году училище посетил окружной (из Москвы) инспектор промышленных учебных

заведений Н. Ф. Рудольф [19]. Очень часто на экзаменах по специальным дисциплинам присутствовал старший фабричный инспектор Ярославской губернии Л. А. Кошлаков [20], начальник железнодорожных мастерских (современное ЯЭРЗ), директор Ярославской Большой мануфактуры А. Ф. Грязнов, директор Прохоровской мануфактуры из Москвы и другие руководители крупных фабрик и заводов. Можно предположить, что именно здесь каждый из них отбирал для своего производства квалифицированных специалистов. Выпускники получали распределение на заводы Пастухова, Понизовкина, Локалова, Ярославскую Большую мануфактуру, главные железнодорожные мастерские и так далее, где они работали бригадирами железнодорожных мастерских, помощниками машиниста и машинистами, монтерами, телеграфистами, чертежниками, смотрителями на прядильных фабриках, машинистами паровых котлов, в мастерских Ярославского трамвая и т. д. При этом получали они, как правило, весьма достойную заработную плату. Все это свидетельствует об очень высокой квалификации выпускников училища, которое правомерно считалось одним из лучших в России.

Немаловажное значение для выпускников училища имел их официальный статус. Во многих случаях, кроме общепринятого документа – свидетельства о полученной квалификации, требовался, особенно при приеме на работу в качестве администратора, руководителя, статус мастера. В июле 1908 г. Государственный Совет и Государственная Дума Российской Империи приняли закон «О предоставлении ремесленным учебным заведениям права выдавать выпускникам учебных заведений звание мастеров и подмастерьев». Закон предписывал в случае особых успехов присваивать звание «мастера», а всем остальным – «подмастерья». Через три года практической деятельности «подмастерья» обязательно получали звание «мастера», что существенно увеличивало возможности их карьерного роста и, соответственно, имело очень большое значение и для повышения статуса и самого училища. На осенних заседаниях педагогического совета 1908 г. этот вопрос активно обсуждался и получил свое разрешение в виде утверждения нового образца документа об окончании училища [21].

Врачебная помощь

В дореволюционной России каждое учебное заведение должно было иметь штатного врача. В

соответствии со сложившейся практикой, на это место объявлялся конкурс, в котором, как правило, участвовало несколько кандидатов на эту должность, обычно врачей-терапевтов. Несмотря на скромное для врача жалование – 300 рублей в год «без стола и квартиры», желающих было достаточно много [22]. Наличие постоянной работы для врача было не только престижным, но и обязательным условием для открытия частной практики, которая и приносила основной доход. В случае необходимости училищный врач направлял своих пациентов к узким специалистам, в том числе к зубному. Штатный врач должен был являться в свой кабинет каждый день. Здесь он принимал обратившихся к нему учеников, выдавал медикаменты, проводил регулярный осмотр. Любая врачебная помощь, в том числе узких специалистов, была для учащихся бесплатной [23].

В обязанности врача входил медицинский осмотр учащихся в начале и в конце учебного года. Важной составной частью его деятельности был надзор за санитарно-эпидемиологической обстановкой в классах, мастерских, а также на съемных квартирах у иногородних учеников.

Училищный врач оказывал и первую помощь при травмах, полученных в мастерских. Судя по отчетным документам, наиболее характерными были обращения учащихся к врачу по поводу ссадин, ожогов (в литейной мастерской), болезни уха, горла, носа, желудочно-кишечного тракта, зрения, кожных заболеваний [24].

Училищный врач принимал участие в заседаниях педагогического совета. Здесь им высказывались замечания, предложения по улучшению работы в мастерских, особенно уделялось внимание средствам защиты от травм. По предложению врача были приобретены защитные очки, оборудованы защитные сетки между станками и верстаками мастерских, улучшена вентиляция [25]. Но его предложения и пожелания не всегда находили понимание со стороны коллег-преподавателей. Так, в ходе заседания педагогического совета 6 марта 1903 г. училищный врач С. В. Кривошеин предложил устраивать полчасовой перерыв после двух часов занятий в мастерских для «физических игр на свежем воздухе». Но оно было отклонено, а вместо этого было решено усилить мощность вентиляционной системы [26].

В начале 1902–1903 учебного года училищный врач активно участвовал в решении вопроса «об урегулировании труда учащихся и их пра-

вильного физического развития». В числе предложений попечителя московского учебного округа были следующие: сокращение уроков до 50 минут, увеличение времени перемен между уроками с 5 до 10 минут после первого и второго уроков и до 15 минут после третьего урока. Начало занятий было отнесено к 8 часам утра, вместо 7 часов 45 минут, как было раньше. В немалой степени это была заслуга врача, активно отстаивавшего данное предложение [27].

К сожалению, не все предложения врача, основанные в том числе и на рекомендациях попечителя московского учебного округа, были приняты и реализованы. Мотивацией для отказа в предоставлении горячей пищи ученикам было то, что подавляющее большинство учащихся являются ярославцами, поэтому могут обедать дома во время 2-часового перерыва, с 12 до 14 часов. Что же касается включения в расписание уроков физкультуры, от них отказались на том основании, что, во-первых, расписание было и так перегружено основными дисциплинами, в том числе работами в мастерских, а во-вторых, отсутствовали помещения для проведения физкультурных занятий [28]. Для санитарного просвещения учащихся были приобретены «стенные таблицы с описанием различных, в том числе заразных болезней» [29]. В училище и школе ввели санитарные листки (современная медицинская карта) на каждого из учащихся, и готовился ежегодный отчет.

Учащимся в течение дня был доступен кипяток, а в кузнице и литейке – кипяченая холодная вода. Все желающие могли выпить горячего чая (кипятка) до занятий, а также во время обеда. Пищу принимали лишь те, что приносили с собой [30], в специальном помещении – столовой.

При активном участии врача была увеличена мощность электрического освещения, тем более, что училище имело свой, независимый от города источник электроэнергии. Была налажена регулярная, один раз в месяц, чистка отхожих ям от ватерклозетов с использованием водяного слива. Кстати, подобные «удобства» были далеко не во всех домах зажиточных ярославцев.

Библиотека фундаментальная, ученическая и учебных пособий [31]

В дореволюционной России существовали различного типа библиотеки: ведомственные, клубные, учебных заведений и публичные (общественные). Для последней категории было характерно то, что зачастую в них существовали абонементы, как правило, платные, для чтения

периодических изданий, журналов. Действовала эта система по принципу: чем «свежее» был номер журнала, тем дороже стоил абонемент. Для интеллигенции, особенно постоянных читателей профессиональных изданий, очень важно было получать «свои» журналы как можно раньше, чтобы быть в курсе последних новостей в своей профессии. Таким образом, неудивительно, что уже на одном из первых педагогических советов училища 11 ноября 1900 г. была составлена смета с перечнем необходимых для училища журналов. Уже сам перечень предполагаемой подписки на 1901 г. свидетельствует не только о высоком профессиональном уровне преподавателей и сотрудников, но и об их разносторонних интересах и увлечениях. Среди профессиональных журналов можно отметить такие, как «Техническое образование», «Вестник воспитания», «Фотограф любитель», «Практик-монтер», «Ремесленная газета», «Техническая библиография», «Журнал художественной промышленности», «Образование», «Технический сборник», «Электротехника», «Электричество», «Американский инженер» (на английском языке). В училище большое внимание уделялось не только образованию, но и воспитанию. Об этом свидетельствует и периодика, которая выписывалась на библиотеку. Это «Русская школа», «Вестник воспитания», «Самообразование», «Россия». В училище преобладали сугубо технические дисциплины. Тем не менее, среди подписки немало имелось и изданий гуманитарного направления: «Исторический вестник», «Нива», «Вестник Европы», «Новый журнал иностранной литературы», «Художественное сокровище России». Для общего развития были выписаны «Новое время», «Русские ведомости», «Журнал для всех», «Спутник здоровью», «Мир Божий», «Церковный вестник» с приложением, «Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Северный край» (газета, которая издавалась в Ярославле и была «не рекомендована» к выписке государственными учебными заведениями), «Юный читатель», «Родник», «Детские чтения с педагогическим листом», «Всходы». Стоимость годовой подписки каждого из изданий колебалась от 2 рублей («Юный читатель») до 17 рублей («Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости»). Подписка осуществлялась за счет процентов с капитала Н. П. Пастухова и специальных средств. Читатели библиотеки имели каждый свою карточку, где записывались взятые для чтения газеты, журналы, литература и учебники [32].

Примечания

1. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 156. Л. 88.
2. Там же. Д. 155. Л. 109.
3. Там же. Л. 153.
4. Там же. Д. 156. Л. 4.
5. Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 156. Л. 6.
6. Там же. Д. 13 «О предметах, преподаваемых в училище». Л. 17.
7. Там же. Д. 156. Л. 36.
8. Там же. Л. 7.
9. Там же. Л. 8.
10. Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 156. Л. 187.
11. Там же. Д. 159. Л. 12.
12. Там же. Д. 156. Л. 49.
13. Дутов Н. В. История площади Волкова // Губернский город. – 2005. – № 7–8.
14. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
15. Там же. Д. 156. Л. 67.
16. Там же. Д. 159. Л. 12.
17. Дутов Н. В. История старых улиц и площадей. Волжская набережная // Губернский город. – 2006. – № 4–5.
18. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 155. Л. 125.
19. Там же. Д. 156. Л. 7.
20. Там же. Л. 25.
21. Там же. Д. 157. Л. 3.
22. Там же. Д. 24. Л. 1.
23. Там же. Д. 68. Л. 9.
24. Там же. Л. 25.
25. Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 159. Л. 11.
26. Там же. Д. 56. Л. 1, 2.
27. Там же. Д. 155. Л. 123, 125.
28. Там же. Д. 22. Л. 14.
29. Там же. Д. 155. Л. 126.
30. Там же. Д. 22. Л. 14.
31. Там же. Д. 155. Л. 25.
32. Там же. Ф. 569. Оп. 1. Д. 155. Л. 147.